

Эдуард Камоцкий

«СОВОК».
ЖИЗНЬ В ПРЕДДВЕРИИ
КОММУНИЗМА

Том III. СССР после 1988 года

Эдуард Камоцкий
«Совок». Жизнь в преддверии
коммунизма. Том III.
СССР после 1988 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097501
ISBN 9785448305771

Аннотация

Вообще-то эту часть трилогии правильнее было бы обозначить, как «Жизнь на пути в капитализм». Началась деиндустриализация России и экспроприация общенародной собственности. Между тем полки магазинов заполнились продуктами и импортными товарами, автомобиль из средства летнего отдыха и развлечения некоторых счастливых семей превратился в массовое средство круглогодичного использования. Настало время, не понимая, что есть, разобраться в том, что было, и подумать о том, что будет.

Содержание

Часть VII.	5
Волжское очарование	7
Демографический взрыв	34
Таня и Егор	43
Положение в стране	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**«Совок». Жизнь
в преддверии коммунизма
Том III. СССР
после 1988 года
Эдуард Камоцкий**

© Эдуард Камоцкий, 2016

ISBN 978-5-4483-0577-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть VII.
88—93 годы
Митинговая демократия.
Распад СССР.
Разрушение экономики.
Конец Великого Эксперимента.
На пенсию.
Егор обзавелся семьёй

Еще не наступило время научного исследования практической реализации в Российской империи учения Маркса о коммунизме, причин краха и следствия Великого эксперимента, поэтому повествование об этом полны удивлений, размышлений и недоумения.

Волжское очарование

Кончился еще один этап в моей жизни, а с ним и моя деятельность, как инженера. Наступил этап созерцания и философствования. Жизнь продолжают мои дети.

Еще в прошлом – 1987 году, задумав уйти на пенсию, я в поисках места на Волге объездил на Запорожце турбазы вдоль берега. Я готов был работать на любой, но особенно мне приглянулось место напротив верхнего по течению края острова Голодный, откуда открывался вид на широкое раздолье Волги у села Ширяево.

И, о, радость – турбаза, куда я устроился работать, была на этом, самом лучшем месте Волжского берега.

Расположена она у Царевского кургана, на береговой гряде между протокой Волги, отделяющей остров Голодный от нашего берега, и длинными озерами в старом русле Курумки, потерявшими всякую связь с ней. Домики для отдыхающих поставлены на этой гряде в один ряд между вековыми дубами. На берегу Волги растут осокори в два обхвата, а на берегу озера осины. Берег в этом месте песчаный – наше место исключительное. Выше по течению глинистый обрыв, ниже по течению – илистый, заросший кустами.

Село у кургана издревле звалось Большая Царевщина, потом каким-то интеллектуальным кретинам ударило в голову, что этим славится царский режим и село переименовали

в поселок Волжский. Сейчас это звучит издевательски, потому что состоятельные люди скупили Волжские берега, построили там для себя «базы отдыха», и своими заборами отгородили жителей села от Волги. Мне очень интересно, ударит ли в какую-либо новую голову мысль вернуть поселку старое название, или это название останется, как духовный памятник идиотизму. Могу только с определенностью сказать, что жителям всякие переименования доставляют одни неудобства.

Жили мы на улице Производственной, никакого отношения к производству не имеющей, ну назвал ее так какой-то администратор, ну и черт с ним. Производственная, так производственная, но потом появилась благая и очень правильная идея увековечить память, можно сказать, строителя поселка – Николая Дмитриевича Кузнецова. Переименовали бы кинотеатр «Космос», или Дворец культуры «Чайка», построенные заботами Кузнецова, или парк «Юность», и все были бы довольны, так нет, переименовали улицу и доставили людям массу неудобств.

Между прочим, на открытии кинотеатра «Космос» глаза Николая Дмитриевича увлажнились слезами счастья. Многими его хлопотами досталось ему это счастье, и было бы оправдано присвоение кинотеатру его имени.

Или в городе был «Переулок Специалистов». Эти специалисты превратили купеческое поселение с двумя или тремя городскими улицами, не имеющего ни одного высшего учеб-

ного заведения, в гигант индустрии и региональный центр образования. А именем Высоцкого назвали бы клуб бардовской песни.

Недавно (в начале третьего тысячелетия) на радио выступал какой-то ученый геральдик с размышлениями о том, какие улицы следует переименовать, чтобы воспроизвести историю.

Дорогой уважаемый ученый, мне совершенно все равно на какой улице я живу: на Мамаевой, или на Дмитриевской;

– на Мокрой, или на Сухой;

– на Кирова, или на Мясницкой.

Лишь бы она осталась той, которая записана у меня:

– в паспорте;

– в водительских правах;

– в праве собственности на гараж;

– в праве собственности на квартиру;

– в праве собственности на 6 дачных соток;

– в 5-ти акциях РАО ЕС;

– в договоре со Сбербанком;

– в договоре с электросетью;

– в договоре с газовой сетью;

– в медицинском полисе,

– в доверенностях

– и т.д., и т. д. и т. п.

Потому что для замены адреса в этих документах надо

писать заявления, получать справки о переименовании и ходить с этими справками по всем перечисленным конторам. А некоторые учреждения еще требуют и копию постановления о переименовании, и все ради чего? Ради того, чтобы «Любитель старины» с картины Маковского был доволен восстановлением исторической справедливости?

Пожалейте нас – ЖИТЕЛЕЙ!

Как и все жители, поселок у Царевского кургана я буду именовать по-старому – Царевщина.

До Царевщины с Управы я за полчаса доезжал на автобусе, а из Царевщины на работу шел, пересекая по насыпной дамбе еще одно старое русло Курумки у подножья кургана, самую Курумку, протекающую под дорогой в полутораметровой бетонной трубе, и чистый заливной луг. Дорога на турбазу идет по лугу в обход леса с расположенными в нем базами летнего отдыха. От автобусной остановки в Царевщине, до вагончика для сторожей на турбазе, минут тридцать – сорок хода (в зависимости от погоды).

В любую погоду – и солнечным утром, и в жестокий мороз, и в дождь, и в снежную пургу и в половодье – мне эта дорога доставляла огромное удовольствие. В непогоду шел, получая удовольствие от преодоления этой непогоды. В хорошую погоду – наслаждаясь красотой природы.

Преодолевая грязь, снежные заносы чуть ли не по пояс, свирепый ветер при тридцати градусном морозе.

Наслаждаясь тишиной и любуясь опушками леса по краям

луга, панорамой Сокольных гор за лесом, зеленью лета и красками осени, широким разливом весной и чистой белизной солнечным зимним утром.

«Когда жестоко ветер веет, когда бросает дождь в лицо, когда нещадно солнце греет, тогда и сердцу горячо» (нет, нет, это я не сейчас, это еще в студенчестве на первом курсе, как говорит Евтушенко, «Стихи читает чуть не вся Россия, и чуть не пол России пишет их»). А дальше в тех стихах девятнадцатилетнего юноши, разумеется, были строчки об ожидаемом счастье, и сейчас я шел с предвкушением счастья — я шел писать.

С собой несешь еду для себя на два дня и килограмм крупы и 200 грамм самого дешевого жира для собак. Я еще нес для себя литературу, перо и бумагу.

Режим работы: два дня дежурство, и затем шесть дней дома. Всего четыре сторожа, один из них был еще и директором этой турбазы. Отапливалась сторожка электрическим камином и печкой. Для приготовления пищи была газовая плита на две конфорки. Что-нибудь лучшее придумать было б невозможно.

Первое дежурство, еще до оформления, попало на праздничный день. В этот день на базу приехало начальство во главе с генеральным директором — поболтать, выпить под шулёмку (картошка с мясом) и погонять бильярд. Обслуживал их в большом клубном зале сторож — директор Левин Андрей Яковлевич, который на этот случай приехал специаль-

но. В его обязанность входило натопить печку – огромную буржуйку, выдать посуду и потом ее помыть. Варили они сами.

Ко мне в сторожку перед застольем зашел один из приехавших. Еще было светло, избегая душеизлияния, я ушел на берег и присел на поваленный ствол, любуясь Волгой, закатом и Жигулями. Турбаза находится непосредственно перед Жигулевскими воротами, на самом изгибе Волги, где она обтекает Жигули, так что вид открывается в одну сторону чуть ли не до Тольятти, а в другую до окраин Самары. Когда стемнело, и я вернулся в сторожку, гостя не было – он после застолья или гонял шары, или ушел поболтать в вагончик директора, в котором тот летом жил с семьей, и где был телевизор.

В обязанности сторожей входило вечером включить уличное освещение, а утром его выключить. Зимой – почистить от снега дорожки у клуба, у сторожки и у туалета и накормить собак. Летом – открывать и закрывать ворота для проезда машин и выдавать для катания и для рыбалки лодки. Левин все лето на базе, так что, предупредив его, можно было самому без ограничения купаться. В качестве нагрузки для тела, осенью и в половодье я с удовольствием заготавливал на зиму дрова.

Турбаза принадлежала конторе «Стекломонтаж». Бригады этой конторы по Среднему Поволжью, включая Пензу и Южный Урал, занимаются монтажом стеклянных тру-

бопроводов для пищевой, химической и металлургической промышленности.

На турбазе, кроме утепленных строительных вагончиков, в одном из которых сторожка, а другой закреплен за директором, 13 летних домиков и большой двухэтажный клуб. Домики в основном закреплены неофициально за начальством; большую часть лета в них живут бабушки с внуками, которые приезжают после половодья в середине июня и к началу сентября отдыхающие исчезают. В большом двухэтажном здании на первом этаже большой зал с большим бильярдом и несколько комнат. На втором этаже в комнатках останавливаются бригады, приезжающие за зарплатой и новыми нарядами на работу.

Ни шума, ни музыки, ни радио, ни телевидения. Только во второе воскресенье августа, во Всесоюзный День Строителя на базе устраивается праздник. Шумит музыка, устраиваются соревнования мастеров – умельцев, которые тут же делают замысловатые стеклянные устройства. Потом небольшая торжественная часть с награждением грамотами за производственные успехи и общее застолье с песнями и танцами.

После праздника большинство отдыхающих разъезжаются. С отъездом отдыхающих и летом, и зимой тишина и полное одиночество. Знакомые сокрушаются: скучно, да и страшно одному. Я бы не стал здесь работать, если бы де-

журили по двое. Я пошел сюда читать и писать, а это возможно только в одиночестве. Я был (и есть) графоман. Незадолго до пенсии я начал предлагать вариант памятника Победы, потом развил эти фантазии и описал виртуальные памятники Первой Всемирной Пролетарской революции. Дядя Вячик попросил описать, как мы пережили блокаду, и я постепенно перешел к родословной. Давал советы Горбачеву и даже Первосвященникам Азербайджана и Армении. Рассуждал об архитектуре Москвы, объясняя столичному градоначальнику, что старые европейские столицы не нарушают стиль центра, строя небоскребы в новых микрорайонах на окраинах. Что было бы прекрасно оставить центр Москвы таким, каким он исторически сложился, а советские высотки, доминирующие в своих секторах города, превратить в Храмы Культуры. Чтобы, глянув на высотку, каждый знал, что там есть библиотека, кинозал, театр, гимнастический зал и все прочее, что относится к культуре в широком понимании этого слова от политеизма, до атеизма. Они и по архитектуре напоминают храмы, и построены в то время, когда пытались осуществить утопическую мечту сделать достояния культуры доступными народу.

Я давал советы и философствовал под аккомпанемент завывания ветра и лая собак.

Мой рабочий день начинается с обновления на Волге проруби. Затем приношу два ведра холодной речной воды и на-

чинаю на два дня готовить для себя щи с мясом, а для собак и кошек кашу. Под вечер протапливаю печку. Все остальное время сижу в одиночестве и или читаю, или пишу.

Когда надоедает сидеть, прерываюсь для прогулки. Днем недалеко на лыжах, а перед сном по дороге, пробитой бульдозером для генерального, чтобы он мог приехать погонять шары.

Собаки и кошки отправляются со мной. У нас две собаки: Черныш и Глаша, две кошки и кот. Глаша похожа на спаниеля, она любит, когда ее чешешь за ухом, но сама на ласку не напрашивается. Глаша постоянно шныряет по кустам, а зимой, когда снег еще неглубок, пытается мышковать, бросаясь двумя лапами на то место, где ей слышался мышиный шум. Вместе с ней охотится и Черныш. Это тоже небольшая собака: больше Глаши, но немного меньше лайки, немного удлиненная, но в целом пропорционального сложения с угрюмым взглядом исподлобья и свирепым от этого видом. С чужими собаками дерется он отчаянно, но человека, ни разу не укусил, а Глаша, когда нет отдыхающих, постороннего может слегка и куснуть. Если вне сторожки присядешь на скамейку или на бревнышко, Черныш непременно подойдет и ткнется в колени мордой, выражая этим просьбу приласкать его. Очень приятная собака. И собак, и кошек мы держали на улице. Собак в конуре на два отделения, а кошки зимой залезают под сторожку. В кирпичном фундаменте дыра, а в снежном сугробе, заносившем сторожку по окна,

к этой дыре мы прорывали лаз.

Разминаясь вечером прогулкой, я иду в сторону Царевского кургана. Луна освещает снежные наносы на его изломанной людьми вершине, и кажется он настоящей высокой горой. Неподвижный морозный воздух то ли отдыхает после метели, то ли замер перед новой. Собаки и кошки носятся вокруг меня, играют в догонялки, играют в прятки, только что, в снежки не играют.

Если во время прогулки слышался лай собак с соседней базы, то наши собаки с лаем уносятся на встречу, а кошки сначала бросаются ко мне, потому что чужие собаки это враги, а потом осторожно выглядывают из-за снежного бруствера и с любопытством смотрят, что там, в снежном поле делается. Вволю налаявшись, собаки возвращаются, и мы гурьбой идем домой. Я опять сажусь писать и философствовать.

На ужин готовлю рыбу с жареной картошкой, или сосиску с тушеной капустой. Утром на завтрак яичница с колбасой и остатками вечернего гарнира.

Перед сном на подушку надеваю свою наволочку и стелю свои простыни. Сплю одетым, чтобы можно было, если залают собаки, быстро накинуть верхнюю одежду и выйти посмотреть. Это бывает крайне редко.

Собаки лают очень часто, весной и осенью они разговаривают через озеро с собаками соседней базы, зимой они с ними встречаются на льду и устраивают дружеские побоища. Но у Глаши есть бесценный дар – по ее лаю можно опреде-

лить, лает ли она на человека, или это перелаивание со знакомыми собаками. На человека она лает, подвывая, и только тогда надо выйти из сторожки и посмотреть, что это за человек. Обычно это рыбак. Сторожа мы материально не ответственные, мы только присутствуем, чтобы на базе был живой человек. Для озорников и тех, кто замечает то, что плохо лежит, этого достаточно, а для грабителей здесь нет стоящей поживы. Да вообще никакой.

Тишь да гладь, да божья благодать.

В половодье не залитой остается только гряда, на которой расположены домики. Для сторожей это горячее время путины. Очень колоритной фигурой был сторож с близкой к нам базы. Во время половодья он шнырял вдоль всего берега, а так как я в первые годы не рыбачил, то он и наш берег не оставлял без внимания и иногда, перекинуться парой слов, подплывал к сторожке. Плавал он на своей плоскодонке, сидя на корме и управляясь одним веслом. Одет был в полушубок, чуть ли не на голое тело – ну настоящий куперовский герой. Был он балагур и острослов: однажды видит, что его сеть зацепила рыбоохрана,

– Эй, вы что делаете?

– Твоя, что ли?

– А если не ваша, так зачем трогаете?

Года через два он погиб. Морозным зимним днем пошел он в Царевщину, хорошо там поддал и пошел обратно. Разыгралась метель, пробиваться через сугробы было тяже-

ло. Видно, устал он и, не доходя метров двадцать до своей теплой избушки, прилег, да так и замерз с недопитой бутылкой в кармане.

Во время разлива база оказывается на острове, и в день смены вахты сторож утром на лодке отправляется к Царевскому кургану. Собаки страшно недовольны тем, что их покидают и бросаются за лодкой вплавь. При сравнительно небольшом разливе, они доплывают до островка на полпути, а при большом разливе с полпути вынуждены поворачивать за новым сторожем назад. Это повторяется изо дня в день, из года в год. Казалось бы, должны знать, чем дело кончается, так нет, когда сторож отчаливает, воют и затем бросаются за лодкой вплавь. Страшно, что ли им оставаться одним?

Однажды было такое большое половодье, что залило всю грядку, всю землю на базе, и мы перешли на второй этаж клуба. Лестница на второй этаж наружная, и на лестничной площадке второго этажа из листа шифера и фанерки я устроил для собак и кошки укрытие от дождя и частично от ветра. Но собаки прятались там только от сильного дождя, а остальное время или сидели в лодке, или лежали на ступеньках лестницы. При таком половодье собак и кошек надо было на лодке вывозить на ближайший островок для выгула. Кот эти вылазки пропускал и вообще появлялся только во время кормежки, в отношении туалета сам как-то управлялся. Кошки к приглашению покататься на лодке относи-

лись очень самостоятельно — иногда с удовольствием садились в лодку, а иногда, если какую-либо из них посадишь наильно, выпрыгивает и вплавь возвращается к лестнице.

В том году у нас еще был кем-то подкинутый щенок. Он с нетерпением ждал выгула, по мере приближения лодки к берегу его нетерпение возрастало, и при первом толчке о берег он начинал мочиться в лодке. Только после того, как его несколько раз за это огрели веслом, у него стало терпения хватать.

Во время одного из таких выгулов всего состава, кроме кота, Щенок на островке разыгрался, и ему стала подыгрывать молодая кошка. Они по очереди выпрыгивали из лодки, и собрать всех вместе никак не удавалось. Даже старые собаки, видя, что отправление задерживается, опять выскочили из лодки и продолжили обшаривать кусты в надежде чем-либо поживиться. Молодая кошка, играя, спряталась от меня за пенек — и выглядывает, а когда я стал к ней подходить, бросилась от меня и гигантским прыжком перемахнула на соседний островок. Я чертыхнулся, собрал остальных и погреб на базу, однако, высадив всю компанию, я еще раз чертыхнулся и погреб за оставшейся.

За время, пока кошка была одна, ее поведение совершенно изменилось. Она не только не убегала от меня, а наоборот, призывно мяукала стоя на пеньке у самой воды. Как только лодка коснулась берега, кошка вскочила в лодку, вскочила мне на плечо и, вцепившись в меня когтями, так, что че-

рез рубашку когти меня достали, прижалась к моей щеке, продолжая мяукать. По лестнице кошка поднималась вместе со мной, не отставая и не опережая меня. Я зашел в помещение, закрыв за собою дверь, а кошка встала перед дверью и стала звать меня из-за двери. Не обратив внимания на вынесенную еду, она терлась о мою ногу, а когда я стал ее поглаживать, улеглась на подстилку, каждый раз поднимаясь за мной, как только я переставал ее ласкать.

Через несколько минут все прояснилось. Именно в это время для кошки наступил срок рожать, и она принесла четырех котят.

Как жалко, что я поехал на остров за этой кошкой, теперь на наши головы свалилось проблема избавления от этих лишних котят.

Впрочем, проблемы никакой и не было, был опыт предков, недаром есть фраза: «топят, как слепых котят».

Оставлять в живых можно только тех котят, которых кто-то возьмет на содержание, обеспечивая им *сытую* жизнь. Грешно обрекать живое существо на мучения голодом. Все мы знали фразу о слепых котятах, но только один среди нас был порядочный человек, который не только знал, но и делал то, что надо делать, не перекладывая неприятную работу на других.

Однако необычность ситуации, вызванная большим количеством, помешала и ему поступить рационально. Озабоченные ситуацией, кивая друг на друга, мы отдали проблему

на волю случая: «К зиме видно будет».

Проблема перенаселения земного шара перед человечеством стоит острее, чем проблема избытка кошек, или собак, и решать эту проблему человек должен сам, а он и эту проблему отдал на волю случая, хотя зима демографического взрыва, и его первая ударная волна в виде терроризма, уже наступает. Есть биологический закон, согласно которому для каждого биологического вида наблюдаются два порога численности этого вида. Порог минимальной численности, ниже которого субъекты чувствуют угнетенное состояние, и у них снижается активность. И порог максимальной численности, выше которого у субъектов формируется чувство дискомфорта и агрессивность. У человека дискомфорт реализуется массовым появлением однополых браков, как биологическим проявлением борьбы с перенаселением, а агрессивность – терроризмом. Но правители, чтобы подданных было побольше, призывают: «Рожайте, рожайте», оправдывая это безнравственным доводом о необходимости кормить стариков.

В до индустриальный период дети не отрывались от родителей, и питались из общего котла. В XIX веке десятки людей должны были трудиться, чтобы прокормить одного пенсионера, поэтому пенсию получали только чиновники. В XX веке производительность труда так выросла, что достаточно было уже только несколько тружеников, чтобы прокормить пенсионера, и пенсию стали получать все. В XXI веке про-

изводительность труда позволяет одному труженику прокормить несколько пенсионеров, и численность людей на земле может быть стабилизирована, но развитые страны с завязанными глазами скатываются в общество потребления вещей и, чтобы увеличить производство этих вещей (услуг), даже увеличивают пенсионный возраст. А если бы они прозрели, то стремились бы к обществу потребления свободного времени. Сейчас эта фантазия из идеалов коммунизма, провозглашенных Марксом, но, *может быть, человечество осознает себя*, и «Человек разумный» станет «Человеком сознательным», который встанет на этот путь через 100 или 1000, или 1000000 лет. Жизнь продолжается... (А пока еще и вид «человек разумный» не сформировался?)

Через несколько дней старая кошка принесла мертвого котенка и заботу о четырех котятках взяли на себя две кошки, не деля их на своих и чужих.

Заметила котят и ворона с соседнего дерева. Первые дни, когда котятка требовали непрерывного присутствия матери, все было спокойно, но когда котят можно было изредка оставлять, ворона сумела дважды полакомиться.

У оставшихся двух котят кошки дежурили не оставляя их одних ни на минуту. Котятка, между тем, подрастали и стали ползать по подстилке, а иногда и за подстилку. Кошка котяткам призывно мяукала; ворона ждала удобного случая.

В конце концов, кошки посовещались, и пришли к выво-

ду, что ворона такой момент найдет – котят надо было спрятать.

Сторожа были бы благодарны вороне, но кошки *одновременно* взяли по котенку за загривки, спустились по лестнице со второго этажа и затем вплавь, с котятами в зубах, отправились к домику, в котором летом стоят холодильники для хранения продуктов отдыхающими. Чердак этого домика кошки считали своим т.к. в домике никто не жил, и кошек никто не гонял. Кроме того, этот домик стоял рядом со сторожкой, и кошки могли следить за сторожем, чтобы не прозевать кормежку.

Плыть им пришлось метров тридцать. На крыльце домика, которое уже частично освободилось от воды, кошки передохнули, и затем по вертикальной дощатой стене занесли котят на чердак этого домика. Котята были спасены, это был подарок детям живущим летом на базе. Да и нам пока что.

Отдыхающие на базе дети, когда появляется возможность и в их среде возникает такая идея, выстраиваются в очередь, чтобы подержать котеночка в руках, чтобы его погладить. Пушистые комочки очаровывают всех.

- Да... Нина, ты уже долго его держишь.
- Сейчас отдам.
- Давайте считать.
- Ну, это неинтересно.

Внезапно интерес пропадает, котенок опускается на место, а дети срываются и убегают, заразившись новой идеей.

Котята играют и с детьми, и без детей. Бесконечное разнообразие игр, поз, движений.

Вот они прижались к земле в позе готовности к атаке, затем срываются с места, мчатся навстречу друг другу, одновременно прыгают, сталкиваются грудью и, отталкиваясь друг от друга лапками, шлепаются на землю. Только что вслух не хохочут. Любоваться ими можно бесконечно. Кто-то из великих – то ли Гёте, то ли Гейне, то ли Гегель сказал, что человека от животных отличает то, что человек способен играть. Не видел он наших котят.

Если у сторожки лежит собака, то котята пытаются поиграть с ее хвостом. Но Черныш, вильнув два, три раза хвостом, уходит, а Глаша может и рыкнуть.

Приближалась осень, разъехались отдыхающие со своими детьми, котята, развлекая нас, играли сами с собой. Кошка, перестав их кормить, потеряла к ним интерес, и если какой-либо котенок приближался к ней, то шипела на него, отгоняя. Появлялась она редко. С котятами надо было что-то делать, они уже никому не были нужны. А ситуация еще более усложнилась.

Теплым осенним днем в открытой двери сторожки показалась кошка с новым маленьким котенком в зубах, который уже не был слепым, который широко открытыми глазами с любопытством смотрел на открывшийся для него большой мир. Кошка, глядя на сторожа, положила перед ним котенка и побежала к двери. Котенок растерянno заплакал, кош-

ка вернулась, лизнула его, успокаивая, и шмыгнула за дверь. Начал накрапывать все сильнее и сильнее дождь. В это время в двери показалась кошка еще с одним котенком на руках. Сторож растерялся, – что делать, не выгонишь же в дождь мать с ребенком на улицу. Я вспомнил картину «Сикстинская мадонна». А котята еще не знали, что жизнь жестока и с доверием смотрели на мир.

Семь кошек!!!

Каким-то летом, несколько мальчиков и девочек в возрасте от пяти до двенадцати лет сбились в кружок и о чем-то тихо и сдержанно говорили. Потом старшие подошли ко мне и поделились своей озабоченностью. Они нашли прикопанного мертвого котенка, и, в осуждение тех, кто его лишил жизни, вырыли могилку, сделали из веточек крестик и перезахоронили котенка. Для них это была игра. Рассказывая о похоронах, они, между прочим, сказали и такое:

– Конечно, мы понимаем, что нельзя оставлять всех котят, кто их потом возьмет, а все равно жалко.

– Конечно, жалко, но что делать?

– Да, мы понимаем...

Через некоторое время, тем же летом, эти же ребята, гуляя по лесу, наткнулись на рыжего котенка, который, увидев их, отчаянно замаяукал и пошел к ним. Естественный порыв души – помочь бедняжке, и дети повели его на базу.

Хозяева базы – взрослые кошки и собаки отнеслись к чужаку с враждебностью, сдерживаемой присутствием людей,

а два щенка, до поры обитающие в тот год на базе, стали лаять и прыгать вокруг котенка, одновременно дружески виляя хвостом, — для них это был новый друг и повод для игры. Котенок на всю эту кутерьму отвечал бесстрашным шипением и по отношению к взрослым, и по отношению к щенкам и бросился к поданной еде, каждый раз выгибая спину, если кто-либо приближался.

Из того, что котенок пошел к людям, было понятно, что он рос и воспитывался среди людей, а потом эти люди отнесли его в лес и бросили: «Может, к какой базе прибьется, не убивать же».

Ну а на базе что с ним делать? Сторож сказал детям, чтобы кто-либо из них взял котенка себе. Дети пошли к родителям, и родители уговорили их отнести котенка обратно в лес, потому что «вероятно, хозяева котенка приезжали на машине отдохнуть в лесу, и потеряли котенка. Они, мол, обязательно вернутся и заберут его». Дети с облегчением поверили этой лжи и отнесли котенка за ручей, чтобы он не мог вернуться на базу. Убить жалко, да и просто невозможно, а вот в лес отнести, может быть, на мучительную голодную смерть можно: «С глаз долой — из сердца вон». А котенок истошно кричал за ручьем: «Помогите, помогите...» и наиболее жалостливые молили: «Хоть бы его кто-нибудь сожрал быстрее». Не скажешь же детям: «Надо его убить». Котенок-то смотрит на тебя с доверием.

Можно ли разделить безгрешное и безнравственное лицемерие.

Качества, развившиеся у человека в процессе эволюции, рациональны. Одним из таких полезных качеств является жалость, жалостливость. Но во всем нужны такт и мера.

Без меры должна быть только забота о жизни и здоровье *уже* родившихся людей.

Чтобы не было жалко, щенят и котят топят новорожденными. Люди берегут себя от переживаний, и топят их, пока они не смотрят в глаза людей и еще не вызвали к себе теплые чувства со стороны людей.

И вот у кошки утопили котят. Кошка не может понять, куда девались ее дети. Она непрерывно входит и выходит из помещения, где были ее котята, раз за разом обнюхивает подстилку, где были ее котята, и непрерывно мурлычет. Зовет, – может, откликнутся, может, вернуться. Где? Где мои котята? Хоть бы одного, хоть бы на время оставили.

После того, как котята перестают сосать кошку, кошка теряет к ним интерес, и котята становятся ничьи. У больших котят нет ни родителей, ни родственников. Их исчезновение заметит только человек. Казалось бы, оставь кошке одного новорожденного котенка, чтобы не мучиться, слушая две-три недели постоянное ММУУРР страдающей кошки, а когда он подрастет и станет ненужным ни кошке, ни человеку, тогда и уничтожай. Боже мой, да как убить котенка, который смотрит на тебя открытыми глазами? Вот и топят слепыми

всех.

Американский гуманист, кажись, Стейнбек, был во время войны во Вьетнаме поражен тем, что хорошие, добрые американские парни бросают бомбы на вьетнамских женщин и детей. Объяснение для себя он нашел в том, что летчики не видят глаз своих жертв. Они уничтожают не людей, а объекты.

Я могу отдать приказ о казни, но не могу свершить эту казнь. Так, кто палач? Тот, кто отдает приказ, или тот, кто, находясь на службе, исполняет приказ? Кто убийцы?

Никто не хочет быть убийцей, и мы, оберегая свою совесть, переходим границу.

Безнравственно строить приюты для бездомных собак и кошек, когда бездомному человеку переночевать негде, безнравственно в этих приютах кормить собак и кошек, когда нищие роются в помойках. Подлая мораль: «Лучше собакам, чем людям». Но все ли люди – люди?

Красива, гуманна – мысль заботы о голодном бездомном человеке, ставшем жертвой болезни или мошенничества, но как отделить эту жертву от паразита не желающего работать. Как отделить жертв от паразитов.

Милосердие не отделяет, если оно милосердно. Для отделения есть другие службы, а для милосердия есть только один критерий: живому существу плохо.

Между прочим, безнравственно строить приюты – тюрьмы и по отношению к животным, лишая их свободы. А, что

(?) – может мыть, лучше усыпить, чтобы они не мучились от голода или потери свободы?

В не закрывающемся подвале нашего дома, где дворники хранили песок для посыпки зимой дорожек, весной оценилась приبلудная дворняжка. У слесарей сантехников, бывающих в этом подвале, не поднялась рука на щенят. Да и с какой это стати брать грех на душу; наплевать им на это; не их это забота. А в начале лета мать вывела своих щеночков на двор. У детворы нашего двора появились живые игрушки. Взаимная любовь установилась мгновенно. И дети, и щенята играли друг с другом самозабвенно. Глядя на них, радовалась беспородная сучка, и позволяла детям делать с собой что угодно: и водить ее на задних лапах, держа руками передние, и садиться на нее, когда она лежала.

Через год в подвале могло оказаться уже пять или десять симпатичных собачек, но как лишить детей радости – возможности ласкать и быть обласканными этими живыми игрушками. Не надо лишать, надо регулировать. Бесхозные собаки уже стали частью городской фауны, как воробьи – без них уже будет ощущаться некоторая пустота, но среди людей не должно быть диких бесхозных собак. Стая собак опасней для человека, чем стая волков, потому что человек для волков это опасность, а для собак источник корма. Какое-то начальство должно задуматься, как лучше распределить имеющиеся деньги, но диких собак быть не должно. Мы сейчас живем несравненно лучше, чем жили люди сто лет назад –

стиральных машин не было, да что век, еще несколько десятилетий назад не было мобильных телефонов. Так давайте самую что ни на есть малую часть средств, из затрачиваемых на разработку новых благ, направим на такое благо, как регулирование численности бесхозных собак, чтобы все собаки, в том числе и дворовые, стояли на учете, в том числе и на ветеринарном, чтобы не было тюрем для собак и кошек, чтобы они были индивидуальны.

Благополучную судьбу имеют собаки и кошки, которых завел себе человек – они индивидуальны.

Человек оказался одинок, и, может быть, домашнее ЖИВОТНОЕ оказывается единственным живым существом в доме, которое позволяет одинокому человеку ИМИТИРОВАТЬ через беседу, заботу и ласку человеческие отношения.

И без таких обстоятельств у человека может оказаться потребность иметь в доме животное. Бывает, что человек, не имея возможности, или избегая чрезмерных для него хлопот, заводит хотя бы улитку, но чтобы было какое-то живое существо. Хорошо, что человек и в далеко не детском возрасте сохраняет в душе некоторые детские черты. Взрослый человек, ну хочется ему иметь живую игрушку, а если он одинок, то это уже не игрушка, а живая душа, которая в пустой квартире может быть рада его приходу с работы. Ну, кто вправе его за это осуждать? Никто. Человек имеет право на любое поведение, если его поведение не наносит ущерба духовному или материальному состоянию других живых су-

ществ, в том числе и соседей.

Собака не оценивает отношение хозяина к людям – его человечности, его человеколюбия, она оценивает его отношение только к себе – его собаколюбие, хотя домашней собаке уготована судьба раба. Хозяева это называют дружбой. За эту «дружбу», хозяин ее кормит. Собака имеет клыки для того, чтобы защищать источник своей сытости, любое поведение любого другого человека она может воспринять, как угрозу своему хозяину – источнику пищи, и бросится его защищать.

Имеющая хозяина собака без намордника, находящаяся с хозяином вне дома, может и должна рассматриваться как вынутое из кобуры оружие. Если эта собака покусала человека, то не она это сделала, а её хозяин, и судить надо хозяина за нанесение пострадавшему телесного вреда. А вред бывает очень тяжкий, вплоть до ампутации конечности, и нанесен он преднамеренно потому, что хозяин, не надев намордник, сознательно нарушил требование закона об обязательности намордника.

Человек – хозяин животного, и безоговорочно отвечает за все, что происходит с животным, а судьба животного, живущего у человека, – быть полезным.

Когда сибирскому «дяде Пете» для починки дохи нужна была шкурка, он сдирал её со своей старой собачки и заводил новую.

В зимнем походе выходного дня, когда к выходным при-

стыковался день конституции, наша коллега Лида Леушина – инженер из отдела прочности, предложила в деревне, через которую мы проходили, заночевать у ее матери. Этот день в доме её мамы оказался не рядовым – предстояло важное дело, попросили и нас помочь. Её мама растила кабанчика. Он радостно повизгивал, когда она подходила к нему. Пытался пососать ее пальцы. Аппетитно чмокал варево, когда подрос, и приход хозяйки встречал уже не повизгиванием, а радостным похрюкиванием. Хозяйка была для него духовным и материальным источником существования. Весь мир для него воплощался в хозяйке, которая его почесывала и приговаривала: «Борька, Борька», и не было для него слаще этого звука.

Кабанчик подрос. Пришло его время. Одно дело, когда фермер выращивает сотню кабанчиков, и потом стадо отправляет на скотобойню, где убийство – это операция в технологическом цикле, и другое дело, когда с животным установились личные отношения.

Хозяйка позвала мужиков – специалистов, а сама плакала, искренне жалея своего Борьку. И Борька отчаянно визжал, призывая ее на помощь, когда какие-то, невиданные ранее существа навалились на него и повалили на землю.

А потом хозяйка нажарила свинины, и, хряпнув по стакану самогона, прославляли мужики Борьку: «Хороший был кабанчик». И радовались люди, что так прекрасно создан божий мир. Что так вкусна свежати́на, крепок первач и при-

вольны поля, дающие всю эту радость. Досталось и нам по шкварке и чарке.

Демографический взрыв

Вопрос индивидуализации и численности, касается людей в большей мере, чем животных.

Мы живем в эпоху, когда планету сотрясает демографический взрыв. В тесноте, во множестве человек теряет индивидуальность. Их много, этих человечков.

Когда людей на земле было мало, когда большие по тем временам города, были маленькими по нашим меркам селениями, смерть в сообществе людей была редким явлением. Смертность тогда была очень большая, но большинство умирало в младенчестве. Смерть ребенка была семейным делом: «Бог дал, Бог взял». Происходил естественный отбор и редкие младенцы, которые становились взрослыми, становились членами сообщества людей, и их смерть была событием. Придумывались сложные обряды захоронения, чтобы продлить время расставания. Рождались фантазии о загробном продолжении жизни.

В современном большом городе одновременно хоронят десятки людей, и рядом роют десятки новых могил. Похороны превратились в технологическую операцию городского хозяйства. Когда смертей много, смерть перестала быть событием. Она стала обычной, как смерть стада на скотобойне. Теснота разобщила людей.

Ученые экономисты, освящая помыслы властелинов

иметь побольше подданных, рассуждают о необходимости прироста населения для того, чтобы прокормить стариков. Однако новые молодые со временем станут новыми старыми и, чтобы их, в свою очередь, прокормить, надо опять обеспечить прирост – и так, до бесконечности?

Трудящиеся своим трудом обеспечивают себе безбедное существование в старости. Посчитайте, как возросло национальное богатство страны за время, когда **мы** работали. Сколько построено заводов, школ, больниц, жилых домов, спортивных сооружений, гидростанций, электростанций. Все, что мы сделали, осталось **вам** – рассчитайтесь с нами. И так каждое новое поколение работает на свое будущее, и должно жить не на подачки, а на свое наследство от созданного капитала, независимо от того, кому этот капитал принадлежит.

После прихода к власти Хрущева такая схема и была реализована, и, прямо скажем, не плохие пенсии получали – достаточные для пропитания и поездок по Союзу. Но пришедшие к власти в 1991 году всё, нами построенное,

(далее идут эмоции из разряда ОБС – «Одна Баба Сказала»)

поделили между собой, и пенсии нам стало платить не из чего. Депутатов и чиновников хозяева купили с потрохами, дав им пенсии, отличающиеся от наших, как расстояние до ближайшего магазина отличается от расстояния до звезд. А нам советуют для обеспечения старости рожать

больше рабочей силы.

Однако, иметь детей, это право человека, но не его обязанность.

Призыв рожать, чтобы увеличивать поголовье подданных, вызывает ассоциации с биологическими субъектами далекими от людей, а *стоил* для них, всегда не хватало.

Первый этап перенаселения земли, когда людей на земле было в тысячи раз меньше, чем сейчас, характеризовался тем, что при увеличении численности одного народа (племени), для обеспечения его сытости, достаточно было захватить земли другого народа. Еще совсем недавно орды цивилизованных европейцев (голландцев, англичан, русских, испанцев, бельгийцев, португальцев и прочих) захватывали земли и даже уничтожали аборигенов Африки, Азии, Америки и Австралии.

Сейчас наступил второй этап перенаселения земли. Только за время моей жизни число людей на планете увеличилось в три раза. За это время на каждого живущего на планете человека стало приходиться в три раза меньше лесов, полей, морей, воздуха. Мы уже пьем воду, которая побывала у кого-то в желудке.

Новый этап рождает уже не мощные реки гуннов, хлынувших в Европу, или европейцев хлынувших в Америку, Сибирь, Индию. Теперь волны миграции – расселений и переселений покрыли всю планету, и кипение началось во всем объеме. Не поток на поток, не государство на государство,

а человек на человека. Демографическая война вылилась на человечество в виде терроризма. Всегда можно найти рядом врага другой национальности, другой религии. Терроризм становится поводом для локальных войн усмирения (США, Ирак, Россия, Афганистан, Израиль, Палестина).

От первых обнаруженных письменных рассказов предков потомкам о своей жизни прошло 7000 лет. И все записи за 7000 лет рассказывают, как люди убивали друг друга. Направят друг на друга пушки и палят, и хвалятся, кто больше убил.

Мой внук наслаждается игрой в компьютерные игры. Смысл большинства игр заключается в том, чтобы *захватить, уничтожить, подчинить!*

А взрослые продолжают убивать друг друга. Какая дикость.

Не скоро еще человечество станет *«разумным»* и только затем *«сознательным»*.

Известно, что любой вид живых существ, от растения до человека, развивается в борьбе за существование. Для человека высшей формой борьбы является война. Угроза уничтожения заставляет общество совершенствовать производственные отношения и производительные силы, соревнуясь в этом с другими обществами – государствами. Стремление к победе в войне, особенно в захватнической, интенсифицирует развитие отдельных государств и человечества в целом. Если бы в истории человечества не было войн, то, возможно,

мы бы жили в условиях Древних царств Египетской цивилизации, жители которых не могли себе представить, что через много тысячелетий люди будут ездить не на лошадях, а на автомобилях. Тут нет прямой связи, в результате какой войны появилась общая теория относительности или полупроводниковые электронные приборы, но если бы не было войн, возможно, этих высот человечество достигло бы на несколько тысячелетий позже. Ну и что? Как и древние египтяне, не представляя содержания этих, достигнутых нами высот, так и мы бы, не горевали от их отсутствия.

А теперь спросим себя: готовы ли мы отдать жизнь своего сына, или внука, чтобы жители будущих тысячелетий достигли своих высот на несколько тысячелетий раньше.

Доразовьется ли человечество до уровня понимания недопустимости войн и замены их другой борьбой – борьбой, соревнованием за рыночным прилавком? Да, развитие будет менее интенсивным, но кто от этого пострадает? Ни мы, ни те, кто будет жить на несколько тысячелетий позже.

Вот в такой Кошко – Собачей, Солнечно – Зеленой, Водно-Раздольной, Белоснежно – Чистой идиллии я живу, философствуя о политиках и палачах, о демографическом взрыве среди кошек и людей.

И хотя никто меня не публиковал, писал я много и с удовольствием на самые разные темы, т.е. философствовал.

О фильме «Без солнца»

«Еще раз экранизирована пьеса М. Горького «На дне» («Без солнца»). Режиссер Карасик изменил не только название.... Горький раздвинул стены и показал, что на «дне» тоже люди.... А где сейчас это «дно»? Весь сеанс я с жадным вниманием вслушивался в каждую фразу знакомого текста.... Создатели нового фильма отделили «Дно» от времени и распотрошили людей, в основном из-за своих личных пороков, опустившихся каждый на свое «дно»....

«Кто не работает – тот не ест», а они ели. На весь экран рты – говорящие и жующие, говорящие и жующие и ничего не производящие. Они, видите ли, будут работать, если им сделают работу приятной. «Может быть» будут, сомневается Горький.

Не будут – они тунеядцы.... Постулаты (школьные) превратились в предмет раздумий.... Раз есть почва для раздумий, значит фильм современный, а в семисот местном зале было всего 20 человек, и ни одного учителя».

А тема эта животрепещущая, дети из благополучных семей, не будучи ни наркоманами, ни алкоголиками бросают ВУЗы и «балдея» у экрана ничего не делают, а у родителей хоть одно успокоение – что дома. А что делать?

Из Учительской газеты ответили, что раз не было на фильме учителей, значит, им будет непонятно, о чем статья.

Не мог я остаться равнодушным к Карабахской трагедии,

порожденной корыстью, и обратился к печати.

«... В этой страшной сумятице, в этом страшном безумии, которые охватили страну, мне до глубины души жалко «простых людей». Златолюбивые подстрекатели сидят, рассуждают и пишут в уютных кабинетах, а вырезают тех, кто чисто случайно оказался за пределами несуществующих границ.

Ни азербайджанцев, ни армян не завлекали в Ереван или Баку, чтобы превратить в заложников, а потом убивать. Ни армяне, ни азербайджанцы не проникали в Баку и в Ереван, чтобы их оккупировать, чтобы быть врагами местного населения. Люди жили там, где им было хорошо. Им было просто ХОРОШО.

В уютных кабинетах появились радетели, которые стали радеть об их судьбе и превратили их в беженцев, превратили их во вдов, в матерей, потерявших сыновей, превратили их в груды трупов. Но, ни один волос не упал с головы этих радетелей – человеконенавистников, и они призывают к борьбе «до конца».

Мне до глубины души жалко тех родителей, чьи сыновья взяли в руки оружие, думая, что они защищают интересы своего народа, чтобы защищать «интересы» тех, кто сидит в уютных кабинетах, и кому наплевать на народ

Пылкие юноши уверены в своей правоте, ослепленные своей верой они сами идут на смерть и сеют смерть вокруг себя, а несчастные родители надевают траурные одежды...»

Не могли газеты опубликовать поношения властей.

В печати появились сведения, что при некоторых условиях для прекращения резни могли бы встретиться Первосвященники Азербайджана и Армении. Обратился я и к ним:

«Отбросьте всякие условия, каждый день промедления это для десятков тысяч людей день жизни в страхе, смятении и изгнании....

Мне хочется сказать: «Возьмитесь за руки, пойдите по снегам, покрывающим землю, заселенную Вашей страждущей паствой, босиком и успокойте их души Вашим пастырским словом». Я понимаю, что это невозможно – сил телесных не хватит, но велика ваша духовная сила!

Оградите свою паству от скверны насилия, которую посеяли в их душах силы, народу враждебные...

Помножьте и сложите Ваши силы, чтобы привить им иммунитет к словам и речам богопротивным, подстрекающим к национальной вражде и насилию.

Ваша сила в Вере, Ваше оружие Слово, Вашей помощи, вашего Слова ждут и мусульмане, и христиане и атеисты.

Помогите им».

Не помогли.

Видел я на какой-то выставке в Риге изваяние, изображающее пса, четырьмя лапами вцепившегося в человека и устремившего в его чрево свою пасть. Называлась эта скульптура «Сумгаит». Кто разбудил в человеке бешеного пса? Кто? Кто? Я бы назвал эту скульптуру «Карабах». Или,

как компромисс «Карабах – Сумгаит».

В хороших, симпатичных парнях, армянах и азербайджанцах те, кто сидит в уютных кабинетах, убили души человеческие, и эти хорошие, симпатичные парни армяне и азербайджанцы – превратились в зверей и вцепились друг в друга, а ведь до этого они жили вместе, и им было хорошо. Никто не заставлял их жить вместе.

Открытая рана не заживает, даже швы не наложили, только придавили, чтобы кровь не хлестала, но в любое время может развиваться гангрена, которая вызовет ампутации многих жизней человеческих.

Таня и Егор по-холостяцки безбедно живут

Летом 89-го Рита тоже ушла на пенсию.

Пенсии у нас были максимальные – по 132р. еще зарплата на турбазе, Егор и Таня работали, так что, несмотря на продолжающуюся разруху и то, что мясо стало стоить на базаре 12р. и конина по стоимости сравнялась с говядиной (видать не одни мы такие хитрые), жили – «не тужили». На рынке покупали только мясо. Овощи и картошка из погреба, остальное в магазине, то ли в *очередь* по талонам (колбаса, сливочное масло, жиры, сахар, карамель, водка, спички), то ли в *очереди еще* без талонов (яйца, рыба, сметана, постное масло). Хлеб, макаронные изделия и крупы продавали без талонов и без очередей.

Частное производство, при полном крахе государственного, спасало народ от голода. Прилавки базаров ломились от любого мяса и всего, что выращивалось на просторах всего Союза: мандарины, апельсины, яблоки, груши, виноград, гранаты....

При уходе на пенсию перед нами открылась не ограниченная по времени свобода физических передвижений. Мы могли в любой день сесть в самолет и отправиться в Саратов. Сесть на поезд и отправиться хоть на край Союза.

Могли в любой день, в любую минуту сесть на автомобиль

и отправиться хоть в лес, хоть на Волгу, хоть на дачу. В 70-тые годы бензин стоил как газированная вода, потом цены выросли, но все равно были совершенно доступны не только работающим, но и пенсионерам.

Шесть дней между дежурствами позволяли без ограничения ездить к Тане.

Первое время Таня работала в областном управлении и жила в общежитии, а потом работала на нефтебазе в Энгельсе и жила в комнате квартиры, которая считалась общежитием, фактически занимая ее одна. Я там у нее в сарайчике соорудил полки, где можно было хранить овощи, картошку и соленья. Овощи и картошку контора для сотрудников закупала на селе централизованно.

В то время областные власти Саратова сумели организовать рынок продовольствия лучше, чем в Самаре.

Какое-то время при визитах к Тане, мясо в Саратове покупали в коммерческом магазине на Ленинском (Московской). Даже намека нет на очередь. На крючьях висят куски туш, передки, окорока, грудинка. Покупатель говорит и показывает, что ему надо, продавец снимает кусок туши с крюка и отрубают то, что покупатель просил. Но Союзному руководству не хватило умения и таланта и государственную торговлю привести в соответствие с рынком.

Государственный магазин дразнил. Народ и в Самаре, и в Саратове зло роптал – очереди в госторговле были противны и противоестественны. Окорок в магазине стоил

в 4 раза дешевле базарного мяса с костями, а вареная колбаса без сои в 6 раз дешевле мяса в коммерческом магазине. Мороженая рыба почти в 20 раз дешевле мяса. Магазин порождал очереди и провоцировал недовольство.

И до сих пор меня мучает вопрос: было ли это только дуростью высших руководителей, или это было сочетание дурости высших руководителей и злого умысла некоторых их подчиненных.

Отсутствовал однозначный рынок не только в торговле продовольствием. Не знаю механизма в точности, но те, кто имел моторные лодки, которые «жрут» много бензина, покупали бензин у шоферов по цене в полтора – два раза меньшей, чем та, которую только что на бензозаправке заплатили сами шоферы талонами, выданными им предприятием, где они работали. Государство изощрялось, пытаясь уничтожить этот теневой рынок. Одной из попыток было окрашивание бензина в разный цвет для заправки частных машин и государственных. Естественный рынок руководство страны во главе с Горбачевым отвергало, они всё еще пытались усовершенствовать всеобъемлющую плановую экономику.

Когда Таня работала в областном управлении нефтеснаба, выполняя функции контролера, то обратила внимание на интересную деталь, характеризующую общую экономическую практику таких снабженческих пунктов. Заведующая бензозаправкой постоянно получала только часть зарплаты, а иногда и вообще ничего, оставаясь должной за растрату, пото-

му что у нее контролеры постоянно обнаруживали недостачу, которую она должна была компенсировать из своей зарплаты. И все же, не увольнялась. Было очевидно, что отпуск топлива производился с недоливом, т.е. шофера предприятий переплачивали (талонами) и немалые деньги от автолюбителей поступали ей. Место ее работы считалось очень доходным, этим местом дорожили, и каким-то образом улаживали свои отношения с руководством.

В 91-м Раиса Ивановна – сестра Ритиной мамы написала заявление в дирекцию фабрики, где она долгие годы работала бухгалтером, с просьбой разрешить ей прописать у себя внуку, т.к. она больна и ей требуется уход. К заявлению приложили справки, что Таня действительно является её родственницей.

Мы с Ритой пошли на фабрику.

Заместителя директора по бытовым вопросам на месте не было. В заводууправлении начался обед. Мы сидели, ожидая, что, может быть, он появится после обеда. Из приемной директора вышел мужчина и обратил внимание на незнакомых посетителей. Поинтересовался целью нашего прихода и посоветовал зайти к директору, который был на месте (как хорошо, что не было его заместителя). Я спросил разрешения и зашел. В двух словах сказал о цели посещения и подал заявление.

Директор высказал ряд сомнений, я тоже что-то говорил,

и директор сказал, что закон, как бы, на нашей стороне. Предложил оставить заявление у него. «Посмотрим» и сказал, что передаст ответ через секретаря.

На второй день я зашел к секретарю, заявление было подписано с разрешением на постоянную прописку. ООО!!!

Таня получила жилье, а Раиса Ивановна новые хлопоты и обиды. Когда Таня поздно приходила домой, Раиса Ивановна беспокоилась, волновалась, а Танька не делилась с ней, не говорила ей о том, где она задержалась.

Егор продолжал работать на заводе.

В городе сложилась компания туристов, которые задумали в 89-м году пересечь на надувном плоту Каспийское море. Егор попал в эту компанию.

Ребята планировали собрать плот в Махачкале и достичь г. Шевченко на противоположном берегу. Негласно среди них витала мысль в случае удачи сходить туда – обратно.

Плавучесть плота обеспечивали полиэтиленовые рукава, которые помещались в длинные матерчатые мешки. Рама делалась из дюралевых труб и досечек с использованием подручного материала. На плоту устанавливалась мачта с парусом площадью 60 квадратных метров и два подвесных лодочных моторчика мощностью по 2 л. с. Навигацию должны были обеспечивать компас, крузерфикс и СВ радиоприемник.

На Каспии штиль.

Место нахождения определялось как пересечение линий направленных на пеленгуемые радиостанции.

Мне показался ненадежным такой способ навигации, и я предлагал идти от Шевченко в Махачкалу, потому что при навигационной ошибке они подходили к сплошь населенному берегу, вдоль которого шла дорога. Правда, берег мог быть скалистым, и в случае восточного ветра высадка на берег могла оказаться трудной, а может быть, и опасной.

А при навигационной ошибке по пути из Махачкалы в Шевченко они попадали на безлюдный, безводный и безжизненный берег. Возможно, не зная, куда они попали: севернее или южнее города.

Примерно в это время было сообщение в печати, что какие-то любители автомобильных путешествий на восточном берегу Каспия заблудились, у них кончился бензин, и они погибли.

Ребята все же решили идти с запада на восток.

На второй день у них вышла из строя радиостанция, и они после этого место определяли по одному приемнику, не имея возможности дублировать определение по другим.

Ремонт в пути во время штиля.

На третий день во время штиля мореходы решили использовать моторчики. Моторчик не заводился, вывернули свечу и уронили уплотнительное кольцо. Сквозь прозрачную морскую воду путешественники видели, как кольцо волнистой линией быстро уходило в глубину, и ничего не могли поделать. Такова особенность путешествия по воде. Видишь, и ничего не можешь изменить.

Полиэтиленовые рукава не были абсолютно герметичными, и пришлось их постоянно поддувать и перевязывать плотнее.

На волнах их хилая рама начала постепенно разбалтываться, приходили мысли о том, что же будет во время шторма, и негласное желание о маршруте туда – обратно улетучи-

вались. Осталось только одно желание: дойти. К берегу вышли на расстоянии видимости города – и навигация не подвела, и бури не было.

А осенью Егор отправился еще в одно путешествие

В 89-м вместе с тренером по спортивному ориентированию детской спортивной школы Каратасковым Егор водил группу детей по Крыму. В этом походе с ними была будущая жена Егора – Света Елхимова.

Страна к этому времени изменилась, Украина через месяц после Ельцина тоже стала тренироваться быть независимой. Теперь при въезде на Украину надо было регистрироваться. Относились к этому спустя рукава, но милиция не пропускала случая на этой безалаберности поживиться.

На обратном пути милиция группу ограбила.

Ребята из-за спешки и из-за безалаберности, приехав из Куйбышева в Симферополь, не стали регистрироваться, а сразу сели на автобус и поехали к месту начала маршрута. Вернулись в Симферополь после похода за несколько часов до отправления поезда. Пошли бродить по вокзалу, выбирая сувениры и вино на память о Крыме. Милиция обратила на них внимание и выяснила, что они нарушили правила пребывания в Крыму. Незадолго до отправления поезда милиционеры заявили, что задержанные подозреваются в провозе запрещенных предметов, и вывернула у них карманы. В одном из карманов оказалось много денег. Напрасно руководители объясняли милиционерам, что это казенные день-

ги, что детей в дороге надо кормить – стражи порядка были неумолимы и все деньги забрали себе, а ребята побежали на посадку. Связи между отсутствием регистрации и провозом запрещенных предметов я не обнаружил.

В стране уже начали действовать неписанные законы, по которым сильный свободно мог грабить слабого, и в каждой республике хотели грабить самостоятельно, не оглядываясь на центр.

Страна катилась к распаду.

Положение в стране

В стране бушевали политические бури. Дорога к «светлому будущему» покрылась грязными лужами. Мне, случайно вклинившись, довелось услышать телефонный разговор служащей отделения общества финской культуры в Москве с функционером Украинского движения Рух в Киеве.

Служащая отделения общества финской культуры заговорила на правильном русском языке, и в ответ мы слышали:

– Нэ розумію.

И они перешли, с трудом подбирая слова, и, стараясь правильно выбрать грамматическое время, на посредственный английский. Окончив разговор, финка не выдержала:

– Националистка, ведь врет, что не понимает, ну о чем можно говорить с человеком, если он врет.

Я рассмеялся:

– Это она демонстрирует «самостийность» бескультурьем.

Воспитанный человек создает для собеседника атмосферу, благоприятствующую беседе. Эта украинка прекрасно знала русский язык. Разве дело в том, на каком языке говоришь?

Пытаясь очистить дорогу от грязи, в рамках конституции о свободе собраний при руководящей роли партии, с благословения Горбачева образовался «Съезд Народных депута-

тов». На этом съезде раздавались речи свободного обсуждения будущего страны. Марионеточный Верховный Совет ждал команды, какие законы ему надлежит принимать. Поступила команда избрать Президента. Подняли руки, и Генеральный Секретарь стал Президентом. Горбачев сказал, что и на местах Первые секретари обкомов пусть работают Председателями советов. Уверенный в непререкаемости своих указаний, он пропустил их через выборы, а на первых свободных выборах, многих из этих секретарей прокатили. Властные структуры явно теряли авторитет.

На страницы газет прорвались тексты выступлений на Съезде Народных депутатов. «Правда» отказалась их публиковать, и я отказался выписывать «Правду». Выписал «Известия».

На Съезде делегаты от Средней Азии заговорили о колониальной сущности экономики Среднеазиатских республик, где процветает подневольный труд детей, где монокультурная экономика сельского хозяйства привела к истощению водных ресурсов и фактической гибели Аральского моря. Сравнивали могучих негров на хлопковых полях Америки, с истощенными от недоедания допризывниками с хлопковых плантаций Туркмении.

В газете, иллюстрируя ужасающее положение в Туркмении, поместили фото совершенно истощенного ребенка из Туркменского детского дома, в другой газете 15.07.91-го – фото дистрофика из Узбекистана.

Как это расходилось с нашими кухонными мнениями о том, что наши колонии живут лучше метрополии! А ведь так думало большинство жителей России. Большинство жителей России не считало среднеазиатские республики колониями: «Какие же это колонии, если там лучше живут, чем мы»?

Причиной таких мнений среди нас служила видимые нами полки магазинов республиканских Столиц, наполненная молодостью и деятельностью жизнь республиканских Столиц и жизнь местных руководителей, которые полагали, что они, как в стародавние времена, являются абсолютными властителями, и, появляясь среди нас, демонстрировали холеность. По результатам расследования Иванова и Гдляна они и вели себя, как баи, не ограничивая себя в расходах и во властных полномочиях, вплоть до содержания собственных тюрем. По крайней мере, свои детские дома не метрополия, а местные руководители грабили. Нормы содержания детских домов для всего Союза были одинаковы.

Религия стала средством принуждения. Журнал «Наука и религия» рассказывал о самосожжении девушек, которых принуждали выйти замуж за нелюбимых.

Я думаю, наши надсмотрщики, в лице вторых секретарей, не хотели ссориться с хозяевами, ссылаясь на местную специфику. На местном уровне местные властелины вели себя в своей стране, как колонизаторы в колонии, и они позво-

ляли и вторым секретарям вести барскую жизнь. Их устраивало положение безраздельных хозяев, и они преследовали местных «демократов», выступающих под лозунгами национализма в борьбе за «свободу». А наши горе демократы в стремлении любыми средствами свергнуть компартию, с осуждением писали о преследовании националистов в Таджикистане.

Эти «демократы» стали пользоваться открытым огнем среди взрывчатки. Для меня «национализм» и «нацизм» слова синонимы, которые не могут ассоциироваться с «демократией», у меня глаза на лоб полезли, когда я прочитал то ли в Правде, то ли в Известиях заметку с сочувствием националистам и с осуждением местных властей, преследующих националистов. Автор явно не понимал, чем грозит национализм.

Но хлопок, выращенный на орошаемых полях, мы действительно из Средней Азии, сжав ее в кулаке, выдавливали, намереваясь, правда, водой сибирских рек возместить потерю воды из среднеазиатских рек. Депутаты, вероятно, не врали. И детский труд действительно был, и хилые допризывники действительно были.

Прибалтика не считала себя колонией. Прибалты считали себя европейцами, попавшими в состав большой полуазиатской полудикой империи. И, надо сказать, к Прибалтам мы относились с почтением, ставя их хотя бы на полступеньки выше нас самих, за то, что их товары были лучшие, и поряд-

ка в их республиках было больше. Однако их националистически настроенные активисты, опьяненные свободой, сами действительно скатились к животной дикости, договорившись до того, что т.к. в объятиях империи цивилизованный народ деградирует, то надо заняться такой проблемой, как «воссоздание генетического кода народа». Изувер Г. Падегимас, пропагандируя расизм, предлагает рассмотреть: «... даже *медицинские* меры, чтобы деградировавшая, неполноценная, для нас уже, увы, умершая часть народа, скажем это с болью и грустью, не репродуцировала бы еще более страшных людей, стопоря возрождение нашего народа...».

На Съезде звучали не только речи, наполненные ненавистью экстремистских националистических речей или болью униженных и оскорбленных. Звучали прекрасные речи о бедах нашей экономики, звучали дискуссии о том, как наполнить рынки и поднять производство нужных народу товаров, прекратив выпуск товаров ненужных. Почти на художественном уровне выступал Собчак. Я и мои друзья восхищались безупречной логикой его выступлений. Говорили как о долгосрочных, так и о краткосрочных задачах реформирования экономики и государственного устройства.

Предложения звучали как академические, так и наивные. Гавриил Попов предлагал, как срочный временный вариант для наполнения рынков, *разрешить* старушкам на улицах торговать своим барахлом. Звучали речи о свободе печати, о свободе в искусстве. Бойкие экономисты агитирова-

ли за немедленный переход к «шоковой терапии», обещая за 500 дней из нищего социализма перейти к роскошному капитализму.

Руководство страны и оппозиция приходят к выводу о необходимости реформирования отношений между центром и республиками, путем заключения нового союзного договора

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.